

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Город, которого нет

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ИЗ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ



Сергей Виноградов

**Город, которого нет.
Ностальгические заметки
из советской жизни**

«Издательские решения»

Виноградов С.

Город, которого нет. Ностальгические заметки из советской жизни
/ С. Виноградов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744165-4

Первая часть этой книги была опубликована в сборнике «Красное и белое». На литературном конкурсе «Арсис-2015» имени В. А. Рождественского, который прошёл в Тихвине в октябре 2015 года, очерк «Город, которого нет» признан лучшим в номинации «Публицистика». В книге публикуются также небольшой очерк о современном Тихвине: «Город, который есть» и подборка стихов «Город моей судьбы». Книга иллюстрирована фотографиями дореволюционного и современного периодов из личного архива автора.

ISBN 978-5-44-744165-4

© Виноградов С.
© Издательские решения

Содержание

Город, которого нет	7
Глава первая. Как я с Марксом познакомился	8
Глава вторая. Час коров	11
Глава третья. Кукурузники	13
Глава четвёртая. Балаболя	16
Глава пятая. Красноармейский рубеж	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Город, которого нет Ностальгические заметки из советской жизни

Сергей Виноградов

Фотограф: Сергей Петрович Виноградов

Фотограф: Ольга Сергеевна Виноградова

Фотограф: Лидия Сергеевна Виноградова

Фотограф: Александр Александрович Виноградов

© Сергей Виноградов, 2017

ISBN 978-5-4474-4165-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие ко второму, исправленному и дополненному изданию

Публикуя первую часть этих ностальгических заметок в своём предыдущем сборнике «Красное и белое», я и не предполагал, что они вызовут интерес не только у моего внука, но и у куда большего круга людей, особенно тех, кто ещё помнит старый Тихвин и также ностальгически, как и я, вспоминает свои годы, проведённые вместе с ним. Поэтому решение продолжить и по возможности завершить свои детские воспоминания в одной книге, было отнюдь не спонтанным. Помню, как я начинал их писать. Это был 2006 год. Год, когда в нашей семье появился Саша, Шурик, Александр, мой единственный и любимый внук. Когда-то в моей детской жизни уже был маленький мальчик с таким же именем – это мой брат. Когда мне не было ещё и трёх лет, этот мальчик ушёл, оставив меня на долгие годы единственным ребёнком у мамы и папы.

И вот в год моего пятидесяти пятилетия я навсегда стал «дедей», дедушкой, дедом. Совсем скоро моему внуку будет уже десять! Самый возраст, когда уже вполне осмысленно начинаешь познавать окружающий мир. Ещё тогда, десятилетие назад, я решил, что одной из первых книжек, которые он обязательно должен прочитать, должна стать и эта тогда ещё даже не написанная. Скажу откровенно, писалась она тяжело, часто урывками, под настроение. Приходилось долго и напряжённо ворошить собственную память, чтобы не упустить главное, более важное за чередой интересных, но менее существенных событий. Сегодня первая часть написана и опубликована. И похоже, настал черёд продолжения. Уже не просто путешествия по городу детства, а в увязке с событиями и фактами, без которых жизнь тогдашних тихвинских мальчишек была бы куда менее значимой и интересной. Надеюсь, что вторая часть этих ностальгических заметок не окажется куда более скучной, чем их начало.

К сожалению, в моём личном архиве почти не сохранилось сделанных собственноручно фотографий дорогих и милых моему сердцу домов и людей. Но зато внука я не забываю фотографировать почти по каждому важному поводу. Есть здесь и совсем старые фотографии, но куда без них – это же и моя история тоже.



С внуком Сашей, которому и посвящена эта книга

Город, которого нет

*Моему любимому внуку
Александру посвящаю*

Как-то однажды меня спросили, помню ли я, как выглядела центральная улица нашего города лет 50—60 назад? Знаешь, честно говоря, не задумывался. Может быть, и помню... Помню, конечно! Ведь это улица, где я жил, на которой вырос. Это улица моего детства. А, говорят, детские воспоминания самые яркие, хотя, и по-детски субъективные. Так что уж не обессудь, если я, приглашая тебя в своё прошлое, что-то подзабуду, где-то допущу «топографическую» неточность. Всё-таки полвека прошло.

Тем более не хотелось бы связывать свои воспоминания одной лишь улицей, ведь и город-то наш был не столь велик, чтобы мы, мальчишки, не проникали в его самые «дальние» уголки, пусть иногда даже незванными гостями. Кроме «Марксы» были ещё «Пьяная деревня», «Конобоз», «Романиха», «Плаха». И ещё немало других местечек, названия которых тебе вообще не говорят ничего.

Глава первая. Как я с Марксом познакомился

Считается, что детские воспоминания до трехлетнего возраста навсегда стираются из нашей взрослой памяти. Может быть это и так, но какие-то особенно яркие моменты давно забытого детства, пусть фрагментарно, нет-нет, да и вспыхивают, как искорки в нашем сознании и не дают окончательно забыть, откуда мы и из какого времени...



Современная улица Карла Маркса. Торговый центр «Екатерининский». Мой внук тоже уже познакомился с «Марксом»

Не помню и я, когда именно впервые увидел эту, ставшую на долгие годы родной, улицу в полной своей «красе» и «блеске», какой она представлялась мне с высоты моей собственной чуть более чем полуметровой «колокольни». Но тогда она своей шириной и бесконечностью так очаровала меня, что казалось, я попал совсем в другой почти сказочный мир.



А вот и я – автор

Двухэтажные дома, действительно, выглядели дворцами из сказки, а деревянный мост через Вязитский ручей был, пожалуй, первым мостом в моей жизни, а потому сам ручей в моих глазах казался, чуть ли не могучей полноводной рекой. Что не метр, я открывал для себя что-то новое и ещё никогда не встречавшееся. Так, гордо восседая на каких-то тюках посередине гро-

мывающей по булыжнику телеги, проследовал я из малюсенькой «избушки», навсегда оставшейся в прошлом где-то на улице Ивановской, в мою новую большую «марксистскую» жизнь.

Дом, в который мы переехали, был очень похож на соседние «дворцы-гиганты». Такой же огромный, высокий. И, главное, с большим парадным входом, выходящим ни куда-то во двор, а прямо под «ноги» проходим, спешащим по своим делам по пыльному тротуару центральной улицы. А ещё был у этого дома огромный, выше моего роста, палисадник, из-за которого пробивались настоящие заросли мелких – мелких ромашек. От дороги, по которой и притащила меня сюда невзрачная кобылка, дом отделяла поросшая травой и с явным присутствием лягушек, неизвестно где начинавшаяся и где заканчивавшаяся канава, которая в последствие не раз становилась местом многих моих детских неприятностей.



Это мои родители – Антонина Семёновна и Пётр Павлович

Но чего стоил сам дом, как я узнал значительно позже, построенный тогда, когда ещё моя бабушка была почти ребёнком, как я. А теперь, грузно поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, она о чем-то по привычке недовольно ворчала. Меня поразила даже не сама комната, рассчитанная, будто для царских балов, а двери – высотой не меньше, чем в четыре моих роста, распахивающиеся подобно вратам в каком-то королевском замке. Конечно, со временем весь этот сказочный антураж померк как-то само собой. Может потому, что я вырос? И комната казалась порой даже тесной, а квартира – самой обычной коммуналкой, причем одна из стен, отделявшая нас от соседей, вообще, была картонной, и я однажды умудрился даже процарапать в ней дыру, через которую мы потом часто перешептывались с моей такой же малолетней соседкой Танькой.



Вот из таких булыжников была вымощена главная дорога моей детской жизни. Момент дорожно-строительных работ на улице Карла Маркса

Однажды уже взрослым, я посмотрел прекрасный фильм «Покровские ворота», в котором была такая же коммуналка и такие же соседи, каждый со своей жизнью и очень многим общим, что делало всех нас почти, что одной семьей. Может потому, сегодня я с такой особой нежностью всегда вспоминаю этот дом и этих людей, которых тогда по своему малолетству я просто не делил на своих и чужих.

Так я вошёл в свои два или чуть больше года в эту новую для меня жизнь, полную открытий и разочарований, детских пустяшных слез и быстро забывающихся обид, чтобы прожить на этой улице почти полтора десятка лет. Самых главных лет моей жизни, без которых не было бы ни этих строк, ни ностальгических воспоминаний. Об одном лишь приходится сожалеть, что всё в нашей жизни проходит. И мы всегда что-то теряем, как потеряли и эту улицу. Ведь могли бы построить новый город где-то и в другом месте. А эта улица пусть бы так и жила себе тихой провинциальной жизнью...



Современная улица Карла Маркса.

Глава вторая. Час коров

Сегодня трудно представить себе стадо коров, неспешно бредущее по главной улице города, пощипывая при этом, ещё не сбросившую утреннюю росу, траву с придорожных газонов. Думаю, что некоторые дети (моего тогдашнего возраста), ныне подрастающие на улице Маркса, живую корову и в глаза-то не видели!

А ведь именно так – с мерного цоканья коровьих копыт по мощёной булыжником дороге, с перезвона колокольчиков на их шеях и редких окриков пастуха начиналось каждое летнее утро для всех, кто здесь жил.

Появляющееся неизвестно откуда, к концу своего путешествия в районе нынешнего здания администрации, (где коровы обычно располагались на свой дневной вольный постой), стадо стремительно обрастало всё новыми буренками. Ведь не держал корову в своем личном подворье, пожалуй, лишь ленивый. То тут, то там, раздавался привычный скрип ворот, и с радостным мычанием очередная пеструшка присоединялась к своим «подругам». И это, действительно, был час коров.

Их утреннюю идиллию лишь иногда нарушала своим тарахтением какая-нибудь, не весть, откуда взявшаяся, «полуторка». Даже уличные собаки давно привыкли к подобному распорядку и мирно спали, как и не обремененные коровьими заботами, жильцы государственных двухэтажек, коих на улице и было то не больше десятка. К тому же час людей ещё не наступил.

По своему малолетству на коровью демонстрацию я чаще всего взирал с высоты второго этажа, уткнувшись носом в стекло наглухо закрытого окна. Каждое утро, едва заслышав знакомые, и ни с чем не сравнимые звуки, я, по мышинному тихо, выбирался из своей теплой постели и на цыпочках, чтобы не разбудить родителей, пробирался через огромную комнату к заветному окну. Даже людские шествия с изобилием портретов усатого вождя и монотонностью красных флагов, иногда проходившие по нашей улице в дни праздников, едва ли могли соперничать с этим мычащим «парадом» и всегда казались мне куда менее интересными.



Иногда по улице Карла Маркса и сегодня проходят демонстрации, но время коров окончательно прошло

Иногда, если конечно удавалось проскочить через «ночной дозор» моей всё видящей и всё слышащей бабушки, я мчался по крутой лестнице вниз на улицу, чтобы успеть, хотя бы помахать рукой вслед уходящему стаду. Уходящему со своим небритым «поводырем» куда-то туда, в далекий и по-детски таинственный для меня, свой коровий мир.

А вечером всё повторялось обратным порядком. Наполненных молоком «Машек» и «Дунк» с особым нетерпением ждали мы – дети из местных «высоток», во дворах которых самой крупной живностью были, пожалуй, лишь бодливые козы, да вечно путающиеся под ногами бегущей ребятни, куры. И вот уже в соседских дворах хозяйки гремели подойниками. На нашей улице начиналась вечерняя дойка.

И не удивительно, наверное, что самое яркое впечатление моего раннего детства это – парное молоко. Кажется, что вкус его я до сих пор ощущаю на губах. Вряд ли кто сегодня так часто пил его почти прямо «из-под коровы». Но, удовольствие это было, действительно, ни с чем несравнимое. А с выпитой кружкой молока завершался ещё один день в моей совсем ещё короткой жизни, чтобы завтра начать всё снова – с перезвона колокольчиков и мычания неспешно бредущего стада.



Теперь на месте «коровьего поля» появились вот такие красавцы дома. Так что место коров заняли люди

Глава третья. Кукурузники

Почему-то уверен, что нынешнее поколение молодежи никогда не ело хлеб из кукурузы. Не какие-нибудь современные экзотические лепешки ради собственного удовольствия, а именно хлеб, который, как говорится, всему голова. Кому-то покажется странным, что, вспоминая далёкие и вполне благополучные 60-е, я вдруг почему-то пишу о какой-то там кукурузе и «хлебных» очередях, которые сейчас ассоциируются у большинства лишь с ленинградской блокадой, знакомой только по учебникам и фильмам. Но так, действительно, было...

И главный «хлебный» магазин города находился именно на Карла Маркса. Находился он в старинном каменном здании, в двух шагах от площади Свободы, с незапамятных, видимо, времен и почти что до самого начала эпохи «рухнувшего социализма». Ещё совсем недавно здесь продавали детские игрушки. Но неуверен, что через год – другой его в очередной раз не переделают ещё во что-нибудь. Надеюсь, не менее полезное. На финише же уходящего советского времени это самое помещение кардинально менялось только раз – с буханок на бутылки, ибо и жидкий «хлеб» был в Тихвине тогда весьма востребован, как и по всей стране. И очереди здесь в дни горбачевской антиалкогольной кампании выглядели не менее внушительными, чем в период городского хлебного «кризиса» начала шестидесятых.

Вот тогда я впервые увидел, и усвоил своим детским умом, что такое хлебные карточки, потому что последние продовольственные талоны, отмененные в начале 50-х, в моей памяти не сохранились, тогда ведь я даже под стол пешком ещё не ходил.

И так. Была поздняя осень. В нашей гимназии (нынешний сервисный центр на углу улиц Маркса и Школьной) в тот год, нам, четвероклассникам, досталась вторая смена. Поэтому с раннего утра меня и пару моих друзей-соседей родители всегда командировали занимать хлебную очередь. Не помню как долго – две, три недели, месяц или больше нам доставалось это «удовольствие», но когда мы обычно добирались до магазина очередь, бывало, вытягивалась, чуть ли не до моста через Вязитский ручей. Правда, на другом его берегу, через дом, находился еще один магазин, где также торговали хлебом. Но то, что в «Лесном» (так его называли все, потому что он принадлежал какому-то лесному ведомству) можно было быстрее и надежнее отовариться, гарантии не было никакой. Как не было и очередей.



На первом этаже этого здания находился тот самый «Шиженский» магазин, куда мы ходили за «кукурузным хлебом»

Но зато в нашей очереди обязательно можно было узнать что-нибудь интересное, о чем в школе почему-то не рассказывали. Именно здесь мы впервые узнали, что «Хлебный» старики называют ещё «Шиженским». Потому что хозяином этого дома до революции был богатый

тихвинский купец Шиженский. Но даже если и не купец, то всё равно персона важная – не все тогда в Тихвине жили в каменных домах, да ещё почти в городском центре. А ещё по «большому секрету» мы узнали, что даже в царские времена хлебом из кукурузы народ не кормили. И всё равно, сейчас я эти кукурузные буханки вспоминаю с ностальгией. Настолько они были огромными и пышными...



В начале 60-х годов на месте этих кустов мы сажали кукурузу. Очень полезное для страны занятие было!

Потом всех нас, «марксистов», перевели в новую школу как раз на нашей улице. Она с годами, между прочим, ничуть не изменилась, если только кирпичные стены слегка потемнели, да разукрасились кое-где произведениями современных «графитчиков». Но зато пришкольная территория, выходящая как раз на Маркса, увы, навсегда потеряла свое кукурузное величие хрущевского периода борьбы за урожай «зерновых». Ведь все мы тогда в прямом смысле превратились в «кукурузников». Видимо, Никите Сергеевичу тоже кукурузный хлеб очень нравился! Сегодня, об этом можно вспоминать, пожалуй, только с улыбкой, но пару летних сезонов буквально все ученики были «мобилизованы» на выращивание «второго» хлеба. Даже к центральному входу в школу, особенно в первые сентябрьские дни, приходилось продирается, словно через джунгли. Такие вот были здесь двухметровые кукурузные заросли. Правда, наша «ботаничка» почему-то всё удивлялась, что ни одного початка так и не выросло – видимо, климат у нас не кукурузный. Конечно, где уж им быть! А мы на что были? Тем более и жили рядом. Вот только вкус свежих кукурузных початков того времени не помню...



И хотя кукуруза теперь здесь не растёт, но зато на школьных газонах растут одуванчики...

Глава четвёртая. Балаболя

Видимо потому, что мои самые лучшие детские годы прошли в коридорах не своего, а соседнего дома, где невидимо витал творческий дух, я и стал тем, кем стал – писателем вот этих ностальгических строк.



Дом №45 на улице Карла Маркса – здесь проходили все мои детские представления «театра одного актёра»

Но тогда я был всего лишь маленьким любопытным «исследователем» большого «зеленого» дома на улице Карла Маркса, не придавая при этом никакого значения, что где-то там, в одной из неизвестных мне квартир ещё задолго до моего рождения в 1918 году проходили заседания редколлегии первой тихвинской газеты «Наш край», где жил тогда редактор газеты Исаакий Петрович Мордвинов – известный краевед и журналист. Мы же тогда были увлечены не журналистикой (да и слова такого не знали), а самым настоящим театром. А мои «спектакли» тогда смотрели оказывается не только дети из этого дома, но и до сих пор жившие там родственники самого Исаакия Петровича!



Теперь я учу «балаболить» своего внука. Выступление на Рождественском поэтическом вечере в Полковой церкви дома-музея Н.А.Римского-Корсакова. 6 января 2016 года

Огромная, почти «парадная» лестница на второй этаж ребятне со всей округи заменяла самый настоящий театральный «зал», где внизу на «сцене» и происходило всё лицедейство. Лицедействовал, правда, всегда почему-то я один. За мои детские и непонятно откуда берущиеся импровизации, мне тогда даже кличку «секретную» дали, прочно закрепившуюся затем на многие годы – «балаболя». Тогда я не обижался, не обижаюсь и сейчас, тем более что отрабатал её в своей жизни сполна, пятнадцатью годами на местном и областном радиовещании.

А вот артистом так и не стал. Последнюю в своей жизни настоящую театральную роль – роль Загорецкого – картёжника, лгуна и вора исполнил в десятом классе. Тогда наш школьный театральный кружок поставил знаменитую грибоедовскую комедию «Горе от ума». И всё что

осталось в памяти от той нереализованной мечты единственная фраза моего неположительного героя: «На завтрашний спектакль имеете билет?».

Ну а в перерывах между нашими детскими «представлениями» все мы – и зрители и «артист», совершали набеги на огромные коммунальные кухни. Тогда даже самый обычный керогаз, мигающий голубым огоньком, казался нам настоящим чудом техники. За наши похождения нас обычно не ругали, просто не видели. Ведь взрослые шесть дней в неделю были на работе, а малышня оставалась на попечении бабушек, которые тоже иногда с удовольствием слушали мою детскую болтовню или мирно посапывали дневным сном.

Теперь, может быть, не закопает свой талант хотя бы мой внук. У него это здорово получается. Почти как когда-то у меня. Только вот жаль, таких костюмов для выступлений у меня не было. Пусть говорит спасибо маме – костюмы дело её рук, а роли всегда найдутся: пиратов, буратино, мушкетёров. Главное, не забалаболить самого себя, чтобы жизнь не превратилась в своеобразную игру. Тогда жить будет, ох как сложно!

Но однажды дом открыл нам большую тайну. А тайна эта долгие годы тихо пылилась на темном чердаке, куда мы с моим другом Серёжей Кононовым (будущим тихвинским художником) иногда совершали свои «походы». Ради любопытства. И вот среди кип старых газет и журналов, ещё дореволюционных, нашли как-то с полдесятка красивых и очень тяжелых фолиантов на незнакомом для нас языке. Авторов и не спрашивай, не помню, но зато год издания врезался в память четко – 1791. Позже я узнал, что это год Великой французской революции. Как попали на чердак французские книги, кому принадлежали, теперь задавать вопросы бессмысленно. К сожалению, через год-другой после этой находки наш дом поставили на трехлетний капитальный ремонт, на эти три года уехал и я, а найденные раритеты бесследно исчезли.

И ещё немного о грустном. Время не сохранило дом №45, как и остальные по нашей улице. Дом заменили новостройки, его жильцы разъехались кто куда. Не сохранилось, к сожалению, и тех детских рисунков Серёжи Кононова, которые он мне дарил как другу. Даже моя детская кличка хранится теперь лишь где-то в потаённом уголке моей памяти.

Глава пятая. Красноармейский рубеж

Были в 50—60-е годы такие замечательные артисты разговорного жанра – Штепель и Тарапунька. Вряд ли они когда-то бывали в Тихвине, но город наш прославили. Точнее не город, а мост через Вязитский ручей, который и до сих пор стоит после той «прославленной» реконструкции. Смысл же их давнего сатирического пассажа был примерно такой.

Вопрос: где находится самый длинный мост в СССР? Ответ: в Тихвине! И резюме: строят его уже много лет, а с берега до берега всё достроить так и не могут.

Вот насколько широким был в то время наш Вязитский ручей! (шутка). Но то, что в этой шутке большая доля правды подтвердит любой старожил. Я же вспомнил об этом «строительстве» только потому, что именно Вязитский ручей делил нас мальчишек, живущих на главной улице города, на «своих» и «чужих», хотя в школу нам приходилось ходить именно на «чужую» сторону.

Зато на «нашей» стороне тоже было немало интересного. Взять хотя бы великолепную крутую горку как раз за мостом (почти на месте нынешнего Дворца Культуры). Такой горки, пожалуй, в городе больше и не было, если не считать Фишовицу. Но уж больно это было далеко от центра по нашим тогдашним детским меркам. Конечно, её крутизна в зимнее время радовала только нас детишек, когда при хорошем разгоне, пусть даже на собственном «мягком месте», легко можно было проскочить весь ручей, минуя «горбатый» мостик, прямо на Московскую улицу. Ни разбитые носы, ни прочие ушибы не могли лишить нас подобного удовольствия.

Рядом с горкой стоял большой двухэтажный каменный дом и такой же на противоположной стороне. Вот с этих двух каменных «гигантов» непонятного грязно-жёлтого цвета и начиналась «наша» вотчина, где почти каждый дом – очередное воспоминание...

«Старая» улица, конечно, исчезала не сразу. Она ветшала и умирала постепенно и исчезала под неумолимым натиском новостроек. Особенно помню, расположившийся как раз на берегу ручья огромный «зеленый» (впрочем, почти все остальные «большие» дома на улице непременно почему-то также были зелеными!) двухэтажный дом, где жил старик-портной, «справивший» мне, между прочим, самое «эксклюзивное» в моей жизни зимнее пальто из невесты как сохранившейся ещё со времен первой мировой войны самой настоящей и очень прочной немецкой шинели. Правда, о немецком происхождении моей обновы меня тогда попросили помалкивать. Мало ли что могут подумать. Так до сегодняшнего дня я о ней и не вспоминал даже. Хотя пальто, честно скажу, было сшито замечательно! Такие вот были у нас старые мастера. Жаль только, что не помню ни имени его, ни фамилии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.